

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УДК 330.101.54

«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЗАНЯТОСТИ, ПРОЦЕНТА И ДЕНЕГ» ДЖ. М. КЕЙНСА С ПОЗИЦИЙ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

И. Е. Рудакова

Статья посвящена работе Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», вышедшей в свет 80 лет назад, но сохранившей свою актуальность и сегодня. В статье рассматриваются некоторые кейнсианские концепции, существенно повлиявшие на экономическую теорию и экономическую практику. Усовершенствованные учениками и сторонниками Кейнса, эти идеи и метод продолжают «работать» и в условиях экономики XXI века. Кейнсианская теория дает когнитивное основание и инструменты анализа современным исследовательским тенденциям — особому интересу к психологическим сторонам экономического поведения, к проблеме существования равновесия в неравновесной экономике, нелинейному соотношению противоречивых сил стихийного рынка и корректирующей роли государственной политики. Детально рассматривается анализ психологических факторов в «Общей теории...», их ключевая роль в формировании экономической реальности.

Ключевые слова: кейнсианская система, экономика неполной занятости, психологические факторы в макроэкономике, массовая психология рынка, «квазиравновесие», государственное регулирование

В этом году исполняется 80 лет со дня выхода в свет работы Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Книга совершила переворот не только в представлениях экономистов о своей науке, но и во взглядах политиков, в осмыслении возможностей влияния государственной политики на экономику. Как замечает американский экономист Б. Селигмен, «в истории было лишь несколько случаев, когда к такой трудной для понимания науке, как теоретическая экономия, был проявлен интерес широких кругов общественности» [14, с. 493]. «Невидимая рука» А. Смита и теория прибавочной стоимости К. Маркса волновали современников, заставляя искать объяснения природе этих явлений. В работах Кейнса публику очаровало «блистательное целое всей его системы» (Й. Шумпетер) [15, с. 1552].

О содержании, смысле, значении работы Кейнса за эти десятилетия написано множество статей, сборников, монографий, кажется, сказано уже все¹. Но наступают новые времена,

и книга снова дает повод обсуждать вопросы теории в новом свете. Мы не ставим задачу «пробежаться» по всем проблемам «Общей теории...», да это и невозможно в журнальной статье. Рассмотрим лишь некоторые вопросы, стоящие, на наш взгляд, в центре сегодняшних исследований и научного обсуждения.

Заложенные в книге Кейнса идеи обладали огромным научным потенциалом: они давали исходные основания и инструмент анализа для последующего развития теории. Усовершенствованные его учениками и сторонниками, эти идеи и метод продолжают «работать» и в XXI веке. Даже противники кейнсианских версий в своей критике опираются все же на идеи Кейнса. Возможно, это самый великий и удивительный эффект кейнсианской теории.

Является ли актуальной сегодня, во времена турбулентности, неопределенности, тектонических сдвигов в обществе, работа, в которой поднимаются вопросы «высокой теории» — природы экономического равновесия, механизма рынка при отсутствии совершенной конкуренции, неценовых методов подстройки экономики, природы капитала и т. п.? Или этот выдающийся труд — лишь значительная веха

¹ Анализ «Общей теории» и влиянию этого произведения на экономическую мысль и экономическую политику посвящено множество работ. К числу наиболее глубоких относятся несколько работ Р. Харрода, в том числе «Ретроспектива по Кейнсу», Г. Хаберлера «16 лет после» (в специальном сборнике 1964 г., посвященном «Общей теории»), Э. Хансена «Путеводитель по Кейнсу (1953)», а также разбор кейнсианских идей в других работах Э. Хансена, в

статье А. Лейонхвуда о кейнсианской экономике (1968 г.), Х. Мински «Джон Мейнارد Кейнс» (1975) и мн. др.

в истории экономической мысли? Попробуем ответить на этот вопрос в отношении работы, написанной много десятилетий назад.

Судьба идей

Восемь десятилетий — достаточный срок для суждений о «прочности» научных построений. Кейнсианская теория успешно прошла тестирование временем, и путь этот был очень непрост и противоречив. Судьба открытий Кейнса драматична. Вышедшая в 1936 году «Общая теория занятости, процента и денег» не произвела большого впечатления в Англии. Источники идей ее автора были известны, а освоение работы требовало усилий¹. Статья Джона Хикса 1937 г. способствовала пониманию замысла книги и вызвала к ней бурный интерес². Ряд важных деталей, уточненных «американским Кейнсом» Э. Хансеном (в моделях денежного рынка, общего равновесия, экономического цикла), сделали кейнсианские идеи и рекомендации на их основе общедоступными. Реализация мер «нового курса», с которыми Кейнс познакомился во время своих визитов в США в начале 1930-х гг., их практическое совпадение с кейнсианскими рецептами, включая прогноз позитивных следствий, а затем успешное использование рекомендаций в кризисной экономике Европы, вызвали «всеобщее поклонение перед совершенством экономической теории» [15, с. 1552]. Кейнсу потребовалось совсем мало времени, чтобы «обратить в свою веру» значительное количество коллег-экономистов.

¹ Марк Блаут приводит слова П. Самуэльсона, одного из самых значительных сторонников Кейнса: «Общая теория... ужасно написанная книга, она плохо организована... Она полна иллюзий и путаницы... Сама кейнсианская система изложена в ней неясно... Когда ее в конце концов одолеешь, то оказывается, что анализ в ней очевиден и в то же время нов. Короче говоря, это работа гения» [4, с. 608].

² Графическая интерпретация кейнсианской теории Дж. Р. Хиксом [24], усовершенствованная затем Э. Хансеном, — модель *IS-LM* — способствовала широкому признанию идей Кейнса. Но при этом она содержала и существенные потери: ушли на второй план процессы рынка труда, играющие ключевую роль в объяснении природы безработицы и характера равновесия в экономике неполной занятости. Создалось неточное впечатление о модели Кейнса как статической, нединамичной, стабильно-равновесной системе. Но сегодня это выглядит иначе: психологические факторы, ожидания, неопределенности придают переменчивость и динамизм системе. Сама идея равновесия предполагает движение к «точке равновесия» из неравновесных состояний. Не случайно кейнсианская теория послужила непосредственным основанием для динамических систем — теорий роста, экономических колебаний.

Послевоенный подъем экономики в США и европейских странах, длившийся с 1950-х до начала 1970-х гг., стал периодом разочарования в кейнсианстве, трактовки которого мало соответствовали новой «благополучной» реальности. Теория, объяснявшая процессы в экономике неполной занятости, в новых условиях экономической экспансии казалась отошедшей в прошлое. А сменившая «хорошие времена» стагфляция, начавшаяся в 1974 г., — необычное сочетание высокой инфляции и значительной безработицы³ — также была за пределами теории, базировавшейся на кривой Филлипса. Предмет кейнсианской теории стал трактоваться как частный случай системы, в общем виде описываемой неоклассической моделью [27, р. 37]. Американские экономисты Р. Лукас и Т. Сарджент (в совместном докладе 1968 г.) отмечали, что перед исследователями теперь стоит лишь задача решить, какие остатки интеллектуального наследства, получившего известность под именем кейнсианской революции, могут быть использованы в качестве лома, а какие могут быть полностью забракованы.

Провозглашенная в этот период «новая экономикс» была встречена фанфарами: обновленная неоклассика предлагала модернизированные (не без влияния кейнсианских идей!) модели. Ее авторы объясняли, что рациональное поведение и соответствующая реакция субъектов рынка могут сильно влиять на экономические колебания и гасить их остроту. «Американцы, англичане, немцы, французы и японцы стали утверждать, что экономисты, наконец, научились управлять экономикой. Появилась уверенность, что они могут предотвратить, или, по крайней мере, лечить депрессию и могут гарантировать продолжающийся экономический рост и процветание» [18, с. 138].

Довольно длительный период устойчивого роста во второй половине 1980-х — 1990-х годах вынудил последователей Кейнса («новых кейнсианцев») реагировать на смену тенденций в экономике и на острую критику совершенствованием своих версий, и прежде всего допущением подвижных цен и гибких заработных плат. Концепции «новых кейнсианцев» — ограниченной рациональности, номинальных

³ Новое для того времени явление «стагфляция» было вызвано резким повышением нефтяных цен (на 68 % в 1974 г.) и затем, после некоторого ослабления, произошел еще один виток скачка нефтяных цен в 1979–1981 гг. (на 25,4, 48 и 44,5 % соответственно). Инфляция в этот период удвоилась и составила 10,3–13,5 %, количество безработных увеличилось с 4,9 % в 1973 г. до 9,5 % в 1982 г. [20, с. 231–238].

жесткостей, издержек меню, эффективной заработной платы — явились шагами в этом направлении¹.

Но времена меняются, и мир в начале XXI века снова переживает тяжелые времена: кризис 2008–2009 гг. и последовавшая затем депрессия явились полной неожиданностью для уверовавших в прогнозную силу своих моделей «новых классиков». «Устаревшие» кейнсианские идеи вновь стали востребованными. Оказалось, что Кейнс во многом предвосхитил то, что стало центром интереса современной экономической мысли, ряд основных новейших тенденций в экономических исследованиях берут свое начало от «Общей теории...». Понимание ключевого значения психологических факторов для объяснения событий в экономике, воплощение микрооснований в агрегированных результатах, выход за границы чистой экономической области в смежные дисциплины, необходимость государственной коррекции экономики — все это, получившее отражение в работе Кейнса восемь десятилетий назад, очертило область основных проблем экономических исследований наших дней. Идеи, воспринимавшиеся в свое время как непривычные, «принадлежащие неевклидовой геометрии»², оставшиеся за пределами множества комментариев, сегодня смотрятся в высшей степени актуальными, требующими соответствующих действий людей и государств.

Критика постулатов классиков не отвергает фундамента экономической теории

Когда оценивается роль «Общей теории...» в развитии экономической мысли, обычно основное внимание обращается на революционный характер кейнсианских идей, опровергающих ряд постулатов классической теории. Главный из них — вера во внутренние восстановительные силы конкурентного рыночного механизма. События Великой депрессии помогли Кейнсу покончить с безусловным господством доктрины *laissez faire*, с верой в автоматическую настройку конкурентной экономики. Это расширило представления о функционировании экономической системы.

Оценивая безусловные революционные заслуги сделанного Кейнсом в теории, важно учи-

тывать, что критика в адрес классики не свидетельствовала о разрушении фундамента «до основания», генетически его идеи были связаны с классическими подходами. Противники трактовали эту особенность его позиции как консерватизм кейнсианского учения.

На наш взгляд, отношение Кейнса к классическому наследию есть проявление не консерватизма, а *преемственности* в науке. Может быть, использование открытий классической и неоклассической теории и то, что именно им было принято и что отвергнуто, лучше всего определяет ту великую «дельту», которую Кейнс добавил к достижениям своих предшественников, сохраняя при этом фундамент науки.

Прежде всего, отметим: продолжая традиции, Кейнс следовал основному неоклассическому *принципу предельного анализа* как при трактовке ряда основных взаимодействий в экономике, так и при определении новых понятий в его системе. Так, он воспринял предельный принцип в соотношении величины заработной платы и тягости труда и зависимости спроса на рабочую силу от этого соотношения. Он использовал неоклассическое понятие предельной производительности капитала. Предельные величины применяются им при анализе равновесных и неравновесных состояний методологически и модельно сходно с тем, как это было сделано в неоклассических версиях. В теории спроса на деньги Кейнс опирался на достижения количественной теории денег в работах И. Фишера, ученых Кембриджа. Идея о необходимости государственных «поправок» рыночного механизма также имела «классических предшественников» в виде концепции внешних эффектов А. Пигу и роли корректирующей налоговой политики.

Но, пожалуй, главное, в чем Кейнс остается на позициях фундаментальной экономической теории, он четко определил сам: это *философия рыночного устройства экономики и преимущества рыночных принципов*, причем именно в той части, в которой они связаны с деятельностью людей. Он утверждает, что, хотя государственная коррекция «необузданных рыночных сил» необходима, остаются широкие возможности для проявления частной инициативы. В этих условиях индивидуализм имеет преимущества эффективности, которая обусловлена децентрализацией при принятии решений, преимуществами индивидуальной ответственности и возможностями проявления личной инициативы. «Но всего ценнее индивидуализм, если он может быть очищен от дефектов и злоупотреблений; это лучшая гарантия личной сво-

¹ Подробнее о вкладе в теорию и метод неоклассики, кейнсианства и «битве идей» см. в работе автора [11].

² Образ, использованный Кейнсом: теоретики классической школы, находясь в неевклидовом мире, не видят другой возможности, как бранить параллельные линии за то, что они пересекаются. В то время как задача состоит в том, чтобы создать неевклидову геометрию [7, с. 70].

боды в том смысле, что ...он чрезвычайно расширяет возможности для осуществления личного выбора» [7, с. 454].

Продолжая свою мысль, Кейнс отмечает, что широкие возможности личного выбора обеспечивают разнообразие жизни. Потеря возможностей личного выбора «является величайшей из всех потерь в гомогенном или тоталитарном государстве». Разнообразие, будучи результатом успешного выбора предшествующих поколений, сохраняет традиции, использует опыт и фантазии, «является наиболее могущественным средством для достижения лучшего будущего». Кейнс отмечает, что он защищает индивидуализм «как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы» [7, с. 454]. Здесь следует обратить внимание на то, что с индивидуализмом Кейнс связывает прежде всего личную инициативу и ответственность, а не отвратительный «эгоизм индивида», как часто трактуют эту поведенческую черту.

Подобная четкая и безусловная защита основного принципа экономики не мешает Кейнсу критически оценивать пределы стихии рыночных сил. Коррекция рыночных сил требует расширения функций государства, и именно этот путь может обеспечить решение главной задачи — достижение устойчивости на уровне полной занятости.

Такая позиция Кейнса — одновременное признание роли и рынка и государства — часто трактуется критиками (и раньше, и теперь) как непоследовательность концепции. Однако в свете современных тенденций «совместная работа» рынка и государства кажется единственно возможной¹.

Психология в кейнсианской теории: что важно сегодня?

Чаще всего основное содержание кейнсианской революции трактуется как признание несовершенства рынка, слабости механизма адаптации экономики неполной занятости в случае нарушения равновесных состояний и кризисных встрясок, вытекающая отсюда необходимость государственного вмешательства в экономические процессы. Это действительно ключевой момент (его рассмотрим ниже). Но «революционность» сводится, на наш взгляд, не только к этому. События наших дней при-

дают значение и другим аспектам кейнсианской теории, особенность которых выявилась в конце XX — начале XXI века.

К числу «революций» Кейнса следует отнести роль *психологических факторов*, пронизывающих всю систему кейнсианской экономики, а также тесно связанное с этим выявление связи микроэкономических явлений и макроэкономических процессов. Эти аспекты кейнсианского анализа фактически предопределили новые направления макроэкономики, сформировавшиеся за последние десятилетия. Рассмотрим эти моменты подробней.

Обычно включение принадлежащих микроэкономике психологических элементов в макроэкономические процессы связывают с неоклассическими разработками (М. Фридмана, Р. Лукаса, Р. Холла). На наш взгляд, эту работу гораздо раньше проделал Кейнс, причем в самом существенном (с современной точки зрения) направлении.

Включение психологии людей в «конструкцию» экономических феноменов, находящихся в центре кейнсианской системы, создавало черты новой парадигмы. Следует заметить, что интерес к деятельности людей, понимание ключевой роли человека в экономике не явились чем-то абсолютно новым. Этот интерес был заложен в предмет теории с начала ее возникновения в работах А. Смита, что определило гуманистический характер экономической науки. Однако продвижение Кейнса по сравнению с классической традицией было существенным: психологические факторы не только раскрывали природу вводимых понятий, но и помогали квантифицировать зависимости и пропорции макроэкономики (поясним это ниже).

С самого начала, определяя принцип эффективного спроса, Кейнс подчеркивает роль психологических факторов в расхождении величин совокупного предложения и совокупного спроса. Последний растет с ростом дохода, но не в той же пропорции, что и доход. «Психология общества такова, что с ростом совокупного реального дохода увеличивается и совокупное потребление, однако не в такой же мере, в какой растет доход» [7, с. 80]. Это расхождение, получившее название «психологического закона Кейнса», послужило обоснованием предельной склонности к потреблению — одного из ключевых понятий кейнсианской модели. Кейнс подчеркивает, что «именно в этом психологическом законе следует искать ключ для решения наших практических проблем» [7, с. 80]. На этой основе формировались

¹ Более подробно авторская позиция по этому вопросу изложена в [12, гл. 3].

другие строительные блоки системы: функции потребления и сбережения, инвестиционная функция, механизм мультипликации, эффекты государственной политики. Таким путем во все основные функции кейнсианской модели вводились пропорции, определяемые «склонностью общества к потреблению» [7, с. 81–82], т. е. психологическими чертами поведения людей. Так Кейнс ставил задачу преодолеть глубокое недоразумение «в понимании того, как же в действительности функционирует экономическая система, в которой мы живем» [7, с. 66].

Лечение недугов застойной экономики и массовой безработицы возлагалось на инвестиции. Инвестиционный процесс также тесно связан с психологической составляющей и зависит от *побуждения к инвестициям*. Побуждения к инвестициям в свою очередь определяются ожиданиями в отношении выручки и нормы прибыли. В формировании инвестиционных намерений участвуют опасения потерь (животный страх предпринимателя), различное отношение к рискам, доверие или недоверие. Именно эта психология бизнеса объясняла также и то, что в качестве главного тонирующего средства в тяжелые времена и всеобщего уныния бизнеса рассматривались государственные инвестиции [23, р. 238–240].

Склонность к потреблению и объем инвестиций могут обеспечивать эффективный спрос (очищающий рынок) на уровне занятости, но ниже потенциального предложения труда, что приводит к вынужденной безработице. Следовательно, общая теория занятости — объяснение устойчивой вынужденной безработицы, не связанной с циклическими спадами, — фундаментально генетически опирается на поведенческую психологию людей¹.

Расхождение психологических мотивов инвестора и потребителя позволило Кейнсу сокрушить еще один классический постулат, вытекающий из закона Сэя, — равенство сбережений и инвестиций в процессе воспроизводства. Против классического тезиса работали два аргумента. Во-первых, поведение участников — сберегателей и инвесторов — формируется под влиянием разных мотивов и целей, устойчивое совпадение которых едва ли возможно. Соответственно, количественное совпадение

сбережений и инвестиций вероятно так же, как их несовпадение.

Во-вторых, в формировании инвестиций, основанных на ожидаемой структуре будущих доходов, ключевую роль играют *краткосрочные и долгосрочные предположения* предпринимателя [7, гл. 5]. Первые включают ожидания текущих продаж, выручки, издержек, вторые — ожидания будущих результатов при покупках капитального оборудования, при определении величины запасов сырья и полуфабрикатов. В конечном счете такие предположения определяют и краткосрочные, и долгосрочные тенденции занятости, результаты которых также могут расходиться.

Значение суждения о роли краткосрочных и долгосрочных предположений еще и в том, что в нем отражена *связь времен*, которой Кейнс придает большое значение. Содержание сегодняшних решений на основе краткосрочных предположений во многом зависит от «овеществленных к настоящему времени прошлых предположений». В этом сказывается практицизм предпринимателей: их прогнозы на будущее чаще меняются под влиянием достигнутых результатов, чем под влиянием ожиданий [7, с. 104].

Связь настоящего и будущего важна в принятии решений на микроуровне и при формировании макроэкономических тенденций. «Ошибочное определение предельной эффективности капитала как текущего дохода, от капитального оборудования ... привело в теории к разрыву связи между настоящим и будущим» [7, с. 210]. Кейнс замечает, что такая трактовка была бы возможна в статической ситуации, но не подходит в ситуации меняющегося будущего, влияющего на настоящее. Эти рассуждения не подтверждают общепринятый взгляд на принадлежность кейнсианской модели только к короткому периоду времени². Помимо прочего, связь времен подчеркивает значение стратегического мышления не только в теории, но и при формировании государственной политики, ее ориентированности на долгосрочные результаты.

Роль психологических факторов существенна в кейнсианской версии *предельной эффективности капитала*. Предельная эффективность капитала зависит не только от его

¹ Эта идея позже была разработана Доном Патинкиным и представлена в оригинальной модели рынка труда при неполной занятости ресурсов. В основной работе Патинкина получила развернутое доказательство гипотеза «квазиравновесия» при общем неравновесном состоянии экономики, объясняющая устойчивое сохранение вынужденной безработицы [10].

² Такая трактовка широко распространена, стала общим местом, определяет логическую структуру многих учебников по макроэкономике. См., например, структуру известных учебников по макроэкономике среднего уровня, между изданиями которых больше двадцати лет: Г. Мэнкью 1992 г. [26] и Ч. Джонса 2014 [25].

текущей отдачи (версия классиков), но и от ожидаемого дохода от капитала. Анализ предельной эффективности капитала опровергает еще одно устоявшееся представление — о статическом характере кейнсианской модели. Вывод о принципиальной статичности кейнсианской теории обосновывал в свое время Й. Шумпетер, после чего такая характеристика, видимо, была принята без особых сомнений [15, с. 1545–1547]. Статичным является как аналитический аппарат, так и каркас теории, при этом Шумпетер не отрицал, что «наиболее ценные ее («Общей теории». — *И. Р.*) части посвящены динамическим соображениям», но он рассматривал их как добавления к статичному каркасу. Любопытно, что в качестве доказательства статичности кейнсианской теории Шумпетер приводит упрощения, являющиеся фактически предпосылками теории, без которых не обходится ни одна модель. Например, физический капитал предполагается постоянным как по количеству, так и по качеству; присутствует абстракция от революции в технологии производства, занятость в коротком периоде детерминирована национальным доходом. Но это лишь упрощающие условия, а не системные характеристики исследуемого предмета. Хотя анализ динамических зависимостей не был Кейнсом завершен, но он *теоретически и конструктивно задан* и в значительной мере определил направления будущих динамических исследований макроэкономики.

Рассматривая «состояние долгосрочных предположений», Кейнс подчеркивает значение уверенности в прогнозе на длительный период. Уверенность отражает состояние рынков и *психологию бизнеса*. Именно поэтому уверенность имеет отношение к функции предельной эффективности капитала, или, что то же самое, к функции инвестиционного спроса. Но как раз уверенность постоянно подрывается условностью, неопределенностью, сопровождающимися инвестиционный процесс. Кейнс подчеркивает, что сами предположения формируются с ошибками, неточно, нерационально еще и по той причине, что имеющихся знаний недостаточно для единственно правильного решения. Фактически на оценку перспектив «влияют и все те соображения, которые не имеют никакого отношения к ожидаемому доходу» [7, с. 217].

И далее Кейнс поясняет, какие именно факторы влияют на принятие решений об инвестициях. Перечень этих факторов вводит в мир психологии бизнеса, вполне актуальный и сегодня. В числе собственников капитала

растет доля лиц, не управляющих отраслью и не имеющих специальных знаний для этого. В результате «ослаблен элемент действительного знания», необходимого для решения об инвестициях. Ежедневные колебания прибылей от текущих вложений, даже незначительные по размерам, «имеют тенденцию оказывать до абсурда чрезмерное влияние на рынок». Рыночные оценки (перспектив инвестиций) условны и складываются «как результат массовой психологии большого числа несведущих индивидуумов». «...Рынок попадает под влияние смены оптимистического и пессимистического настроений, которые не имеют разумных причин» и не создают базу рациональных инвестиционных решений. Профессиональные инвесторы принимают решения не под влиянием расчетов реальной нынешней и будущей стоимости объекта инвестиции, а под влиянием *массовой психологии рынка*.

В число факторов рыночной психологии входят уверенность, доверие, кризис которых приносит много бед экономике современного мира. «Оценивая ожидаемый размах инвестиций, мы должны поэтому принять во внимание нервы, склонность к истерии, даже пищеварение и реакции на перемену погоды у тех, от чьей стихийной активности в значительной степени и зависят эти инвестиции» [7, с. 227].

Психологическая составляющая является ключевой в кейнсианской трактовке природы и роли процента. Инвестиции зависят от двух факторов: от нормы процента и от психологии инвесторов. И хотя влияние нормы процента на размеры инвестиций очень серьезное, но не решающее [7, с. 229]. Возражая против классической трактовки нормы процента в качестве фактора саморегулирующегося процесса, уравнивающего сбережения и инвестиции, Кейнс утверждает, что «норма процента — в значительной степени психологический феномен» и складывается под влиянием массовой психологии. Он замечает, что инвестор, который основывает свои действия на серьезном долгосрочном расчете, может быть менее успешным, чем тот, кто старается угадать, как будет вести себя толпа [7, с. 221, 271].

Рассуждения Кейнса о психологических факторах инвестиционного процесса не утратили свою актуальность и в наши дни. Не столько ожидания будущего дохода, сколько обстоятельства, с ним не связанные, — неуверенность в сохранности бизнеса в будущем, ненадежность правовой защиты собственности, нестабильность налоговой нагрузки, монопольные ограничения доступа к факторам

производства, постоянные изменения «правил игры» для бизнеса — создают неблагоприятную «массовую психологию рынка», или, в современной терминологии, «неблагоприятный инвестиционный климат».

Следующий отсюда далеко идущий вывод, актуальный для нас сегодня, состоит в том, что мотивация для инвестиций в российскую экономику создается главным образом *психологическими обстоятельствами*. Из этих обстоятельств проистекает общая непривлекательность России для капиталовложений, объясняющая «вялые» инвестиционные намерения капиталов на базе национальных накоплений, слабую реакцию засевших в оффшорах капиталов российского происхождения, не реагирующих ни на призыв вернуться, ни на амнистию, резкое сокращение притока иностранных капиталов, еще недавно рассматривавших российскую экономику как поле для выгодного вложения¹.

О микрооснованиях в макроэкономике

Проблема связи явлений, возникающих в экономических отношениях людей и фирм по поводу обмена, собственности, распределения богатства, найма, с общеэкономическими явлениями занимала умы экономистов давно. И хотя макроэкономика в качестве самостоятельного раздела экономической теории возникла в работах Кейнса и последователей, отдельные макроэкономические идеи присутствовали в теориях начиная с Адама Смита. Проблема происхождения богатства с самого начала была поставлена как «богатство народов». Объяснение рыночных сил спроса и предложения в теории Альфреда Маршалла, хотя и касалось рынков отдельных товаров, но по своей природе было адекватно рынку как макрофеномену. Понятие «репрезентативной фирмы» позволило представить рыночное поведение индивидуальной фирмы в виде функции, и макроэкономический итог деятельности всех фирм получался умножением индивидуального результата на количество фирм².

¹ Инвестиции в экономику России падают последние три года. Чистый отток иностранного капитала в 2013 г. составил 61 млрд долл., а в 2014 г. увеличился до 151,5. По прогнозам экономистов, за период 2014–2017 гг. общая величина вложений в российскую экономику сократится на 160–170 млрд долл. [2, с. 5–6].

² Этот метод агрегирования путем умножения итогов деятельности субъектов экономики (домохозяйств, фирм) на количество их единиц кажется вполне удовлетворительным при упрощенной трактовке связи принципов индивидуального поведения и макромоделей. Однако простого

Трактовки денежных отношений изначально (уже в грубой количественной теории) фактически принадлежали макроуровню.

Психологические моменты поведения людей сначала резко отличали две области теории. Экономическая теория состояла из двух отличных друг от друга — предметно и методологически — разделов. В микроэкономике мотивы поведения людей играли решающую роль, использовались для научного объяснения экономических явлений, образовывали логически обоснованную систему. Напротив, в макроэкономике «поведение» агрегатов лишалось «человеческих оснований». Новый (макроэкономический) раздел долгое время, пока его предмет сводился к изучению количественного взаимодействия агрегатов, имел название «экономический анализ».

Поиски органической связи двух уровней единой экономики стали необходимыми. В конечном счете они привели к итогу, названному П. Самуэльсоном (в предисловии к «Экономикс» издания 1961 г.) великим неоклассическим синтезом, «который ликвидирует разрыв между обобщающим понятием макроэкономике и традиционной микроэкономикой, создавая из них взаимодополняющее единство» [13, с. 18].

Кейнс опередил (и во многом определил) современное понимание связи поведенческих элементов на микро- и макроуровне. Агрегатные переменные кейнсианской модели — национальный доход, потребление, сбережения, инвестиции — упростили представление об экономической системе, выделив важнейшие ее блоки. Эти вполне гомогенные понятия позволяли представить сложную систему экономики в упрощенном, доступном для моделирования виде.

При этом связь макроагрегатов с функционированием индивидуумов и фирм концептуально достигалась через понятия, отражавшие субъективную поведенческую сторону. Поведенческие характеристики субъектов микроэкономике — предельная склонность к потреблению (к сбережению), предпочтение ликвидности, ожидания инвесторов — на

(механического) умножения микроявлений недостаточно для понимания процессов в макроэкономике. Но здесь, видимо, есть прорыв. Нобелевской премией за 2014 г. были отмечены работы профессора Принстонского университета Ангуса Дитона, в которых исследуются взаимодействия неоднородных индивидов и их влияние на процесс агрегирования, выходящего за пределы, представленные суммированием действий репрезентативных агентов. (Обзор достижений А. Дитона см. [3]).

уровне экономики превращались в *структурные коэффициенты*. Коэффициенты распределения прироста дохода между потреблением и сбережением (*mpc*, *mps*); коэффициенты чувствительности инвестиций по ставке процента, спроса на деньги по доходу и проценту; коэффициенты мультипликативного процесса выполняли роль параметров модели. В результате базовые переменные кейнсианской модели — макроэкономические агрегаты (*Y*, *C*, *S*, *I*), их количественные определения и динамика — приобрели «психологические основания».

Достижения экономической теории по включению микрооснов в макроэкономическую теорию (в макромоделли) последних десятилетий XX века, связанные с именами М. Фридмана (адаптивные ожидания, расхождения фактического и ожидаемого уровней цен в объяснении экономических колебаний, инфляции), Р. Лукаса (роль рациональных ожиданий в потребительском поведении), Дж. Акерлофа (нерациональное поведение субъектов рынка и его влияние на качество и структуру рынков), Р. Шиллера (влияние изменений массового сознания на непредсказуемую волатильность цен фондового рынка) фактически ведут свое начало от открытий Кейнса.

Анализ психологических факторов в «Общей теории...» имеет существенное методологическое значение. Утверждаемое Кейнсом ключевое значение субъективных действий для формирования экономических феноменов — важный момент понимания природы любых общественных процессов. Фактически данный подход требует уточнения философии объективного и субъективного в методе экономической теории, когда на первый план в качестве предмета исследования выдвигаются субъективные характеристики.

Смена приоритетов явилась существенным изменением научной парадигмы и означала отказ от представления о первичной роли объективных законов, задающих модели поведения субъектов экономики. Сомнениям подверглось фундаментальное (классическое) положение о несущем «скелете» системы. По мнению многих теоретиков ортодоксальной школы, без признания ключевой роли экономических законов, не зависящих от воли людей, их целей, предпочтений, ожиданий, система лишается «опорно-двигательного аппарата».

Альтернативой является представление, что *экономику делают люди*. И тогда индивидуальное поведение людей, принимаемые ими субъективные решения, следствия этих решений должны быть признаны факторами, определя-

ющими конфигурацию экономики и происходящих в ней процессов. Объективные моменты в экономике, которые человек застаёт, приходя в этот мир, — существующие производственный аппарат и технологии, накопленные блага и знания и т. п. — предстают как «кристаллы» прошлого труда, а действия людей как продолжение и результаты принятых в прошлом субъективных решений (связь времен!).

Именно эту философию утверждала кейнсианская теория: движущей силой экономики является поведение людей¹. Это была одна из причин «неотразимой привлекательности» (Селигмен) «Общей теории...» в момент ее создания. Эта же причина явилась фундаментальным основанием перемещения человеческой психологии в центр исследований природы экономических процессов в наше время.

О концепции равновесия

Одним из важнейших продвижений теоретической мысли в ее фундаментальных основаниях в «Общей теории...» является разработка идеи равновесия.

Равновесие — важнейший методологический конструкт теории (а не «описание» реального состояния конкретной экономической системы), прием построения гипотезы, которая в схематической (модельной) форме более или менее точно отражает важнейшие связи реальности и тем самым позволяет понять ее.

По существу функционирование экономической системы как научной гипотезы (как модели рыночной экономики) без конструкта равновесия становится необъяснимым. Если равновесие не наступает, то система не способна воспроизводиться, т. е. восстанавливать себя в своих основных элементах. В этом случае теряют смысл установленные теорией устойчивые повторяющиеся связи, становятся необъяснимыми основные тенденции изменений. Модели поведения людей, которые для доказательства основных принципов также нуждаются в равновесии, переходят в темную область непредсказуемого действия. Многие патологии в экономической жизни получают объяснение именно благодаря сравнению отклонений с равновесными состояниями.

Равновесие как один из моментов реального состояния реальной экономики также возможно: равномерный устойчивый рост, устойчивый уровень цен, отсутствие резких

¹ Эту особенность теории Кейнса отметил Б. Селигмен: «...Действия людей, а не слепые и объективные рыночные силы — вот что лежит в основе „запасов и потоков“, рассматриваемых в экономическом анализе» [14, с. 505].

структурных изменений и т. п. часто свидетельствуют о практическом достижении равновесия. Мы не будем углубляться в полемику по поводу практического существования равновесия. Мы рассматриваем только *методологическую* необходимость равновесия как доказательства существования «модельного образа» экономической системы.

Радикальные критики любой научной ориентации, желающие доказать несостоятельность какой-либо экономической теории (неоклассической или новой классической, кейнсианской или новых кейнсианцев), пытаются сокрушить, прежде всего, именно этот краеугольный камень. Ожесточенность, сопровождающая полемику на эту тему, объяснима: это не чисто академический спор — теория претендует на «практическую нужность», на рекомендации конкретных действий в реальной политике государства. По мнению «критиков от неоклассики», отказ в рамках кейнсианской парадигмы от совершенной конкуренции, гибких цен и заработной платы, от состояния полной занятости как типичного явления есть отказ от необходимых условий, без которых существование системы, основанной на частной собственности, рынке и частной инициативе, невозможно. Отсутствие «несущей конструкции» равновесия, таким образом, разрушает всю логически строго построенную систему. Отсюда следует: доказательство *возможности равновесия* в другой (неклассической) экономике — в экономике неполной занятости — является условием достоверности самой теории. Если теория утверждает, что экономика неполной занятости не частный случай, способна воспроизводиться в своих неравновесных пропорциях, то это должно найти обоснование, логическое и инструментальное, из ее собственных постулатов.

Выдающаяся заслуга Кейнса как в области теории, так и в сфере практических рекомендаций для реальной политики, — разработка теории равновесия. Неравновесные (с неоклассической точки зрения) состояния в системе Кейнса становятся формами существования экономики, не достигающей полной занятости, а доказательство возможности равновесия при неполной занятости — доказательством возможности ее воспроизводства.

Ключевым моментом концепции равновесия (и, следовательно, всей теоретической системы Кейнса) является понятие «эффективного спроса». Эффективный спрос как равенство произведенного в экономике продукта и затребованного совокупным спросом продукта

(при сохранении незанятых ресурсов) получил название «квазиравновесия». Особенность трактовки механизма «квазиравновесия» состояла в том, что в определенный момент времени (в коротком периоде) равновесие достигалось благодаря рыночным сигналам, но не ценовым, а количественным: изменения незапланированных запасов свидетельствовали о несоответствии совокупного предложения величине эффективного спроса, вызывая соответствующие реакции (к увеличению или уменьшению выпуска). Графическая модель «кейнсианского креста» иллюстрирует такие неравновесные ситуации и действие механизма достижения равновесия — увеличение (или уменьшение) выпуска — при получении сигналов о характере запасов в экономике. Модель показывает, что на этом этапе (при отсутствии условия полной занятости) экономика «справляется» с неравновесием автоматически: она реагирует на рыночные сигналы, приспособлявая фактический выпуск к запланированным расходам без экзогенного вмешательства.

Но равновесие на уровне полной занятости даже при равенстве спроса (эффективного) и предложения может быть недостижимо действием рыночного механизма. Если экономика, спонтанно развиваясь, и достигает полной занятости, то лишь ценой значительного разрыва между производством и недостающим совокупным спросом, который в значительной степени обусловлен наличием вынужденной безработицы. Изменить такую ситуацию, по версии Кейнса, возможно лишь при участии государства в коррекции совокупного спроса. Государство может способствовать увеличению совокупного спроса, расширяя свои расходы на инвестиции и социальные цели, сокращая налоговую нагрузку на потребление и доходы бизнеса.

Гипотеза «квазиравновесия» выполняла, прежде всего, чисто теоретическую задачу — объясняла особенность функционирования экономической системы в условиях затяжной стагнации и неполной занятости ресурсов. При спросе на труд, соответствующем предельной производительности труда (на уровне фиксированной заработной платы), оставалась масса незанятой рабочей силы, потенциально готовой работать при данной заработной плате, что и формировало вынужденную безработицу.

Гипотеза «квазиравновесия» была значима и для *практической политики*: она приводила к выводу о необходимости мер против безработицы не только в периоды кризисных спадов,

но и при «благополучном» (равновесном!) ходе дел. Создание рабочих мест, перекалфикация и перемещение рабочей силы, контроль минимальных оплат труда и прочие меры вошли в практику политики занятости многих стран.

Теория равновесия была снабжена дополнительными аргументами и развита последователями Кейнса. Авторы посткейнсианских версий шли по линии доказательства возможности совместного равновесия рынка благ и рынка денег (Р. Хикс), совместимости макроэкономического равновесия с наличием вынужденной безработицы (Д. Патинкин), возможности рационального выбора и максимизирующего поведения при неполной занятости (Р. Клауэр), роли равновесия и отклонения от него в фазах делового цикла (Э. Хансен), действия механизма равновесия на рынке финансовых активов (Дж. Тобин), выбора при поиске оптимума «межвременного равновесия» в теории потребления (Ф. Модильяни).

О роли государства

Как говорилось выше, основное содержание кейнсианской революции обычно усматривается в признании за государством принципиально другой роли в экономике по сравнению с трактовками классиков и неоклассиков. Кейнс подчеркивал, что при отдаленности экономики от уровня полной занятости рынок утрачивает силу автоматической подстройки экономики к постоянным изменениям, перестает эффективно работать ценовая система — нарушается гибкость товарных цен, цены рабочей силы и капитала. Возникает необходимость государственной коррекции в экономике, отсюда — значение обоснованной государственной политики. Пол Кругман ссылается на метафору Кейнса: экономический двигатель в кризисе не может самостоятельно начать работать, необходим его запуск от внешнего источника, и запуском должно заняться правительство.

В связи с этим бесспорным и выдающимся отличием кейнсианской системы от предшествующего этапа экономической науки — признанием роли государственного активизма — хотелось бы отметить следующее. Было бы неверным, на наш взгляд, трактовать Кейнса как этатиста, сторонника государственной экономики и административного управления рыночными процессами, приписывать ему роль идеолога «регулируемого развития капитализма» [6, с. 18–21].

Рекомендации Кейнса, нашедшие широкое применение в государственной политике США

и европейских стран, фактически не имели тотального характера. Основные направления государственной политики — меры фискальной политики (налоговая система и государственные расходы) и меры монетарной политики, связанные с управлением денежной массой. Эти инструменты воздействовали, прежде всего, на совокупный спрос, в чем усматривалась основная задача влияния государства. Но Кейнс не предлагал непосредственно влиять на цены или законы рынка, на основе которых эти цены устанавливались. «Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами».

Развивая свою мысль, Кейнс подчеркивает, что для обеспечения полной занятости потребуются коррекция оптимального размера инвестиций. Но *социализация инвестиций* не должна исключать «всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой. Частные эгоистические интересы определяют, что именно должно быть произведено, в каких пропорциях нужно для этого соединить факторы производства и как распределить между ними стоимость конечного продукта» [7, с. 453]. Иными словами, по версии Кейнса, государство не вмешивается в базовые основания рыночного механизма. И хотя для полной занятости необходим централизованный контроль, государство должно обеспечить и условия для свободной игры экономических сил, необходимых для реализации всех потенциальных возможностей производства. Государственный активизм не исключает того, что «остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности. В пределах этих возможностей традиционные преимущества индивидуализма сохраняются и далее» [7, с. 454].

«Кейнсианская конвенция» (Кругман) — признание необходимости одновременного существования рыночного механизма и присутствия государства в экономике — является объектом наиболее яростного критического «обстрела» как справа (за критику веры в возможности совершенной конкуренции и рынка), так и слева (за непризнание необходимости широкой социализации экономики, за сохранение частной собственности и права принятия частных решений). И хотя «кейнсианская конвенция» достигается на практике в реальной экономике, тем не менее, как теоретическая концепция она продолжает возбуждать полемику.

Кажется, что конвенциональную идею устройства экономического механизма следовало бы воспринять как важнейшую рекомендацию Кейнса современным участникам экономического процесса, действуют ли они как представители макроэкономического института — государства, или как субъекты экономики, принимающие индивидуальные решения.

Проделанная Кейнсом работа не обесценилась. Мало какой теоретической системе

удавалось так мощно выйти на практику, предоставить практические рекомендации политикам в качестве прямых выводов из научных исследований. Изучение научных школ прошлого наводит на мысль, что ошибки и тупики экономической практики происходят во многом не от неопределенности событий, несоответствия в ожиданиях, неожиданности шоков, а от незнания (или, скорее, забвения) результатов великих исследований прошлого. К идеям «Общей теории...» это относится прежде всего.

Список источников

1. Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. — М.: Юнайтед Пресс, 2010. — 272 с.
2. Акиндинова Н., Ясин Е. Новый этап развития экономики в постсоветской России // Вопросы экономики. — 2015. — № 5. — С. 5–27.
3. Белянин А., Денисова И. Бедность не порок, но научная проблема // Вопросы экономики. — 2015. — № 1. — С. 107–116.
4. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело ЛТД, 1994. — 608 с.
5. Бочко В. С., Татаркин А. И., Берсенёв В. Л. Судьба политической экономии в условиях современных исторических вызовов: продолжение кризиса или начало возрождения? // Журнал экономической теории. — 2015. — № 3. — С. 28–41.
6. Дзарасов С. Куда Кейнс зовет Россию? — М.: Алгоритм, 2012. — 304 с.
7. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Прогресс, 1978. — 494 с.
8. Кругман П. Возвращение великой депрессии. — М.: «Эксмо», 2009. — 336 с.
9. Маневич В. Е. Кейнсианская теория и российская экономика. — М.: КомКнига, 2010. — 222 с.
10. Патинкин Д. Деньги, процент и цены. Соединение теории денег и теории стоимости. — М.: Экономика, 2004. — 375 с.
11. Рудакова И. Е. Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика // Вопросы экономики. — 2005. — № 9. — С. 21–35.
12. Рудакова И. Е., Никифоров А. А. Макроэкономическая теория: проблемы, версии, полемика. — М.: Дело и Сервис, 2013. — 205 с.
13. Самуэльсон П. А. Экономика. Вводный курс. — М.: Прогресс, 1964. — 843 с.
14. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс, 1968. — 493 с.
15. Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3-х т. — СПб.: Экономическая школа, 2001. — 1664 с.
16. *Blaug M. John Maynard Keynes. Life, Ideas, Legacy.* — L.: Aldershot, 1990. — 181 p.
17. *Clower R. The Keynesian Counterrevolution: A Theoretical Appraisal / The Interest Rates*, Ed. by F. H. Hahn, F. P. R. Brechling. — L., 1965.
18. *Drucker P. F. The Age of Discontinuity. Guidelines to our Changing Society.* — NY, L.: Harper Colophon Books, 1978. — 402 p.
19. *Friedman M. The Role of Monetary Policy // American Economic Review.* — 1968, March. — P. 1–17.
20. *Hamilton J. D. Oil and the Macroeconomy Since World War II // Journal of Political Economy.* — 1983, April. — No 91. — P. 228–248.
21. *Harrod R. Retrospect on Keynes / Keynes' General Theory*, Ed by Lackechman. NY, 1964.
22. *Harrod R. The Life of John Maynard Keynes.* — NY. — L.: W.W.Norton & Company, 1982.
23. *Heilbrunner R. The World Philosophers.* — NY, 1964. — P. 238–240.
24. *Hicks J. R. Mr. Keynes and Classics. A Suggested Interpretation // Econometrica.* — April 1937.
25. *Jones Ch. I. Macroeconomics. Third Edition.* — NY. — L.: W. W. Norton & Company, 2014. — 609 p.
26. *Mankiw N. G. Macroeconomics.* — NY.: Worth Publishers, 1992. — 514 p.
27. *Tobin J. Full Employment and Growth.* — UK, Cambridge, 1996.